

Нет прощения палачам!

Кровавая трагедия великой страны

1993 год... Не прошло и двух лет после уничтожения нашей общей Родины — СССР. Великой страны больше нет, но осталась еще Советская власть в лице Верховного Совета и Советская Конституция. Люди уже осознали последствия предательских Беловежских соглашений, принятых в нарушение воли подавляющего большинства населения СССР, и начали подниматься на борьбу против ельцинских разрушителей, мечтавших погрузить Россию в пучину капитализма. Верховный Совет стал естественным центром сопротивления «реформам», ставившим целью развал экономики и распродажу за бесценок всего, что было создано трудом нескольких поколений советских людей.

Указ №1400 Ельцина от 21 сентября 1993 года «О поэтапной конституционной реформе» распустил Верховный Совет, убрал последние преграды на пути банды грабителей. Но уже 22 сентября Конституционный суд признал указ незаконным. Возмущенные циничной наглостью ельцинского указа люди

вышли на улицу. Днем 3 октября сторонники Верховного Совета прорвались через Крымский мост и Садовое кольцо к Дому Советов. Из здания мэрии они были обстреляны на поражение. При попытке прорваться в Останкино демонстрантов расстреляло подразделение «Витязь». Противостояние длилось до 4 октября. Убедившись, что сломить защитников Конституции не удастся, Ельцин отдал приказ направить танки против безоружных защитников Конституции. Прорвавшиеся к зданию Верховного Совета бэтэры с остервенением кромсали людей. Повсюду шла стрельба.

Ценой убийства более двух тысяч человек, Ельцин и его окружение присвоили себе право беспрепятственно распоряжаться всем, что создал народ за годы Советской власти. Фактически это был классический образец государственного переворота, подобному пиночетовскому в Чили. В октябре 1993 года весь мир стал свидетелем кровавого преступления прозападной, действующей под покровом США псевдодемократической власти. Эта власть да-

ла понять, что для достижения своих целей она готова на все: на подлость, низость, звериную жестокость. Она уже пошла по трупам граждан страны, цинично показав, что жизнь граждан России для них не представляет никакой ценности, она вообще ничего не стоит.

Люди! Запомните эту черную дату — дату величайшей трагедии в истории нашей страны! 4 октября 1993 года героически погибла, истекая кровью, корчась от боли, и все же веря в светлое будущее России, Советская власть.

Звучит поминальный колокол... Россия помнит и воздаст! Вечная память защитникам Советской власти — власти трудового народа! Вечный позор убийцам безоружных людей, вставших живым заслоном на пути бандитского капитализма!

Евгений Доровин, председатель Комитета памяти жертв трагических событий в сентябре — октябре 1993 года, секретарь МГК КПРФ

Октябрь — 1993

Реформаторы, как по-крупному Победили «врагов реформы» вы. Пол-Москвы завалили трупами, пол-Москвы увезли в Лефортово...

А пока всю страну не вывезли — вы нагсадно все эти годы

в приложения к телевизору реформируете народы...

Реформируете без устали:

честных - в нищих, ворье — в элиту, душу русскую — в антирусскую,

а теперь вот живых — в убитых.

Конституцию сырым скопцем изнасиловали — и рады.

Мы пришли к ней на крик о помощи.

Ну так кто из нас — демократы?!

Что там прения, что регламенты,

ваши доводы сверхречисты:

бьете танками по парламенту!

Ну так кто же из нас — фашисты?

С той землей, где выросли Иванами,

мы родство разорвать не в силах,

Вы ж всей плотью — за океанами.

Ну так кто же из нас — Россия?

Она терпит и терпит, смиренная,

но когда-то остудит ваш пыл:

кто с мечом к нам пришел

реформировать,

тот историю позабыл.

Евгений Нефедов

«Черный октябрь»: записки очевидца

СТРЕЛБА ПО ДОМУ СОВЕТОВ и прилегающей к нему площади велась с крыш близлежащих зданий. Безоружные люди на площади заматались. Среди них были женщины, старики и даже подростки. Один из вооруженных гвардейцев Дома Советов, пробегая, крикнул: «Выдвинутая баррикада смята бэтэрами. Берегитесь, они могут прорваться и сюда!» В этот момент стал нарастать гул моторов, и на площадь с южной стороны на огромной скорости ворвался первый бэтээр. Сначала показалось, что он не стреляет. Кто-то крикнул: «Ура! Наши!» Но, дойдя до западного фланга, бэтээр открыл по защитникам Дома Советов ураганный огонь. Я и еще двое мужчин прячемся за автомобиль у стены, но он мало прикрывает. Времени на размышление нет, а тут на площадь ворвался второй бэтээр. Я высочил из-за автомашины и помчался в ближайший подъезд Дома Советов.

С каждой минутой подъезд оборонять все труднее. Раненые просят бинты, обезболивающее, воду. Санитарка куда-то отошла, медикаменты разбросаны, найти что-либо очень трудно...

Вскоре кто-то командует: «Раненые, приготовиться к эвакуации. Возможно, противник прорвется в подъезд». Раненые начинают ползти, помогая друг другу, к входу в подвал. За ними ползут женщины, старики и уже в последнюю очередь оставшиеся безоружными мужчины.

Парень с «калашниковым» хлопывает за нами дверь. Стрельба над нашими головами становится все громче и чаще. С другой стороны подвала появляются люди с носилками. На них стонут, кричат раненые. Наверху бой, и чувствуется, что он становится все более ожесточенным.

Люди лежат и сидят на холодном полу. Где-то совсем рядом слышно: садится вертолет. Откуда-то слышен крик: «Наши!»

И снова неизвестность. Кто-то приносит разрезанный кирпичик черного хлеба, раздает по кусочку. Люди почти не разговаривают друг с другом: большинство почти не знакомы.

Выстрелы все громче и громче. Неожиданно звучит команда: «Внимание, газы! Всем надеть противогазы!» Тем, у кого противогазов нет, советуется приложить к лицу платки и шарфы, смоченные водой. Но воды тоже нет.

Кажется, пули бьют в дверь подвала. Людей просят перейти в другое крыло. Внезапно звуки выстрелов нарастают, усиливаясь эхом. Грохот у двери, и выстрелы уже в подвале. Люди прижимаются к стенам, кто-то ложится ничком, кто-

то стонет. Кто-то кричит в пустоту, в сторону выстрелов: «Не стреляйте, здесь только безоружные люди!». Издалека почти мальчишеский голос отзывается бранью: «Врете, бандиты!.. Если хоть один стрельнет, всех гадов положим!»

даются со всех сторон. Прямо здесь же идет бой за ствол лестницы. Кто-то тихо советует: «Головы не поднимайте, а еще лучше, закройте ее руками». Врачам разрешено оперировать тяжело раненых. Снаружи бьют по стеклам, осколки летят над на-

Из воспоминаний защитников Дома Советов

Первые дни. На площади много народа. Настроение приподнятое. Люди собираются группами, обмениваются новостями. Кое-кто признается, что на выборах голосовал за Ельцина. Сожалеют об этом, раскаиваются. Ни одного нетрезвого! С каждым днем допуск на площадь усложняется, возрастает численность милиции на подступах к Дому Советов и на ближайших станциях метро. Непрерывная ложь по радио, по телевидению, в газетах.

Первая кровь. 28.09.93. У станции метро «Баррикадная» подразделения МВД блокируют дальнейшие подступы к Дому Советов. Демонстранты пытаются прорваться через милицмейские кодоны. Случайно оказавшийся там подполковник ГАИ Владимир Рештук, видя избиение неловких стариков и мечущихся женщин, плакал, матерился и кричал на бойцов ОМОНа. Спасая людей, он, отец шестерых детей, был задавлен озверевшими омоновцами. Позднее циничные СМИ приписали убийство офицера «красно-коричневым». Здесь же омоновцы забили до смерти рабочего-ремонтника из Дома Советов В.Климова, шедшего на работу.

Останкино. 3 октября. В грузовик, направляющийся в Останкино автоколонны я вскочил уже на ходу. В нем два десятка безоружных людей, готовых идти до конца, для которых судьба Родины дороже жизни. Колонна мчит по улицам под знаменами СССР. Люди на тротуарах машут нам руками, смеются и кричат: «Ребята! Наконец-то! Давайте!»... Пулемет из здания телецентра был не переставая. Добровольцы начали выносить раненых и убитых. В одну «скорую» грузили по три-четыре человека, машин не хватало. Пулемет снова заработал — добивая раненых. Со стороны пруда выехал один из трех бэтэров. Отряд «Витязь» — будь он проклят во веки веков! Башня бэтэра брызнула, и крупнокалиберный ударил в упор, разрывая людей на части. Под огнем пулеметов и снайперов — безоружные люди. Эхо выстрелов перекатывается меж стен жилых домов. Светятся тысячи окон, за которыми те, кому плевать на все: и на то, во имя чего мы восстали, и на наших мертвых, и на пропитанную кровью землю. А ведь там умирали и за них!

Перед нами вырастают два автоматчика, орут благим матом: «Точно, нет оружия?.. А то всех перекосим...» Подходят еще два автоматчика: «Всем строиться по одному! Всем руки вверх перед собой! Двигаться к двери!»

Все поднимают руки и строятся. «Быстрее, быстрее!» — подталкивают автоматами последних. Мы все — пленные.

Нас ведут через лестницу этажом выше. Кто-то из автоматчиков бьет прикладом женщину в белом халате, отделившуюся от строя. В ответ получает автоматом по каске от своего командира: «Не трогай, это врач!». При входе на этаж всех обыскивают, даже женщин. У меня из карманов выбирают зонтик, блокнот. Подталкивают в спину: «Проходи!» Только теперь я обращаю внимание, что все, прошедшее впереди меня, лежит на полу ничком. С трудом раздвигаю каких-то людей и ложусь. Проходит не менее четверти часа, как уложены все.

Звуки автоматных очередей раз-

шими головами. Кто с кем ведет бой — непонятно. Слышится шепот: «Может, это наши?» Шепот переходит в ликование: «Эти наши пришли, это кантемировцы. Они за Ельцина не пойдут». Командир десантников, кажется, капитан, поднимает пистолет и кричит: «Всем молчать!» Стреляет над нашими головами в воздух.

Лежим. Кто-то затаился сигаретой. Послышался голос: «Ребята, не курите, оперируем четырехлетнего ребенка»...

От лежания без движения на бетонном полу немеют руки и ноги. Кто-то обращается к военным: «Ребята, зачем вы нас сюда положили? Если взяли в плен, уведите, куда хотите». Капитан приказывает: «Отставить разговоры, будете делать то, что вам сказали. Это война».

Как ни странно, сказанное им взбадривает лежащих. Многие сохраняют надежду, что где-то снаружи в бою участвуют другие подразделения, недавно подошедшие и вставшие на защиту Верховного

Совета. Арестовавшие нас десантники или не знают этого, или, если знают, не говорят нам. Звуки автоматных очередей все нарастают.

На мгновение все гложут. Здание сотрясается от удара огромной силы. Летят оставшиеся стекла. Автоматчики садятся или ложатся на пол к нам. Опять удар. Сыплется штукатурка, отваливается целыми кусками. В воздухе дым, гарь, пыль.

У окна священник затягивает молитву. Его останавливают: «Молись, только тихо, а то погибнем здесь все».

Неожиданно капитан крикнул: «Внимание! Всем ползти вниз, в подвал!» Народ ликует: «Это точно наши! Выдать, конец пришел вашему Ельцину!» Люди просят пропустить вперед женщин и стариков. Под оглушительную канонаду все заползают в подвал. Вместе с нами и охранники. Кто-то из пленных шутит: «У нас три пути: первый — выходим в освобожденную страну, второй — нас выводят в наручники, третий — наши трупы находят под обломками Дома Советов».

Неожиданно появляется капитан. Оружие опущено. «Слушайте меня внимательно. Все строятся по двое и продвигаются в противоположный конец подвала».

Люди послушно идут, продвигаясь на второй этаж. Идем вдоль коридоров Дома Советов. Поражают разгромленные кабинеты, разбитая аппаратура. Нас подводят к огромному окну без стекол. Капитан командует: «Тройками прыгайте вниз!»

Никто ничего не понимает, но послушно группируются и прыгают. Прыгаю и я, благо, не очень высоко. Поднимаемся по земляному откосу и проходим сквозь строй свистящих и улюлюкающих подростков. Кого-то из нас бьют в лицо, спину, кричат: «Бандиты, красная сволочь!»

Мы на свободе. Выстрелы еще раздаются. Стреляют танки проклятой Кантемировской дивизии. На этот раз не по немцам — уничтожают русских...

Александр Попанов, секретарь МГК КПРФ